

ЕГИПЕТ И СОПРЕДЕЛЬНЫЕ СТРАНЫ

EGYPT AND NEIGHBOURING COUNTRIES

Электронный журнал / Online Journal

Выпуск 3, 2017

Issue 3, 2017

Интерьерная «ткань с петухами» из раскопок ЦЕИ РАН на некрополе Дейр-аль-Банат (Фаюм): к вопросу о символике петуха в античном и позднеантичном мире (часть 1)

Е. Г. Толмачева

научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН
etolma@mail.ru

Данная статья представляет собой первую часть исследования, посвященного атрибуции интерьерной ткани из заполнения могилы 203 на некрополе Дейр-аль-Банат (Фаюм) и интерпретации изображений на ней. Ткань рассматривается в широком историческом и художественном контексте с привлечением многочисленных аналогий из мировых коллекций позднеантичного текстиля.

Изображения птиц были одним из излюбленных мотивов позднеантичных тканей. Однако если павлины и попугаи на тканях этого времени исчисляются сотнями, то петухи встречаются гораздо реже. Источники (скорее, их почти полное отсутствие) свидетельствуют в пользу предположения о позднем появлении кур и петухов в Египте. Практически все остеологические материалы, письменные и изобразительные памятники, связанные с интересующей нас проблемой, относятся к птолемеевскому и римскому времени. До этого петух, будучи птицей чужеземной и диковинной, не имел в глазах египтян особого символического и ритуального значения, не фигурировал в фольклоре и мифологии. Все представления, касающиеся кур и петухов, пришли в Египет вместе с эллинской и римской бытовой и художественной культурой, неотъемлемой частью которой они являлись.

Греческие и римские письменные и изобразительные источники рисуют нам сложный, полисемантический образ петуха, обладавшего ярко выраженной солярной природой, связанного с божествами-воителями Афиной и Аресом (Марсом), задействованного в мантических практиках. Петух мыслился как посредник между мирами людей и богов, идеальная жертва. Другой важнейшей ролью петуха была роль психопомпа, которая еще более подчеркивалась его связью с Меркурием и Гермесом.

Ключевые слова: позднеантичные ткани, Египет, Фаюм, Дейр-аль-Банат, петух в Древнем Египте, петух в Греции и Риме, изображения птиц, психопомп, Асклепий, Меркурий.

...the crested Cock whose clarion sounds
The silent hours...
John Milton. Paradise lost (Book 7)

Эпоха¹ поздней Античности в истории Европы и Ближнего Востока — время перехода от древности к Средневековью, когда античные, греческие и римские, институты, представления, религиозные и ценностные установки коренным образом менялись под давлением новых условий. Главным изменением в духовной сфере жизни общества стало формирование и развитие новой глобальной идеологической доктрины — христианства. Старые политеистические культы, идеи и представления, сталкиваясь с молодой, более жизнеспособной христианской доктриной, уступали ей и исчезали либо сильно трансформировались.

Немаловажными чертами поздней Античности были синтез и взаимовлияние культур. Носители эллинской и римской культур разнесли по всем странам ойкумены свои мифологические и художественные представления и образы, которые, прижившись на новых местах, существенно видоизменили местные традиции. Позднее, уже в V–VI вв., изобразительные мотивы персидского искусства, в свою очередь, оказали значительное влияние на искусство Восточного Средиземноморья и Египта.

Таким образом, поздней Античности были присущи идейное и мировоззренческое многообразие, эклектизм и полисемантизм. Приступая к исследованию значений отдельных художественных образов данной эпохи, крайне важно помнить об этой ее особенности. В данной статье сделана попытка атрибутировать интерьерную ткань, найденную в заполнении могилы 203 на некрополе Дейр-аль-Банат (Фаюм), и интерпретировать изображения на ней в широком историческом, мифологическом и художественном контексте.

«Ткань с петухами» из заполнения могилы 203 на некрополе Дейр-аль-Банат

Льняная ткань, украшенная гобеленовыми вставками с изображениями петухов и куриц, происходит из могилы 203 на некрополе Дейр-аль-Банат² (араб. «девичий монастырь»³), находящемся в юго-восточной части Фаюмского оазиса, в пустынной местности неподалеку от деревни Избат-Камбаша (рис. 1). В непосредственной близости от могильника стоят постройки из сырцового кирпича, которые немецкий археолог и архитектор П. Гросман, проводивший в 80-х гг. XX в. разведку на памятнике, посчитал монастырскими⁴. Впрочем, это только предположение. На некрополе хоронили и мужчин и женщин, а погребений, непосредственно относящихся к монастырскому комплексу, обнаружено пока не было.

¹ Я благодарна В. И. Ярмолович, любезно позволившей ознакомиться с рукописью своей статьи о петухах и курах в Египте, и Е. Ю. Чепель, оказавшей помощь в работе с источниками на греческом и латинском языках.

² Подробнее об истории археологического изучения памятника см.: Белова 2012; 2017; Krol 2005.

³ Этимология, время и обстоятельства появления этого названия неизвестны, см.: Krol 2005: 214–215.

⁴ Grossman 1989: 1865.

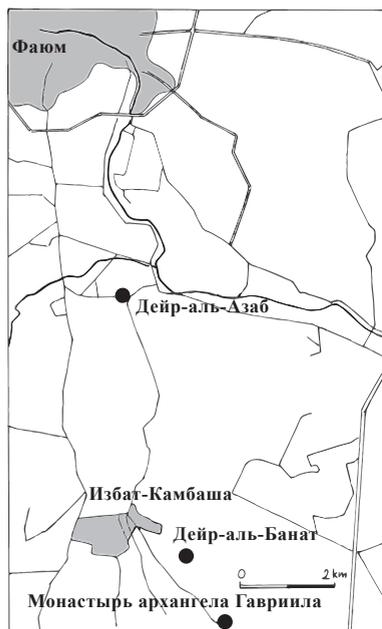

Рис. 1. Карта юго-восточной части Фаюмского оазиса. Рис. О. В. Вингольд

Раскопки на памятнике, находящемся в ведении Сектора коптских и исламских древностей Министерства по делам древностей АРЕ, с 2003 г. по настоящее время проводит Центр египтологических исследований РАН (ЦЕИ РАН). За это время было исследовано 370 могил, каждая из которых нередко содержала более одного погребения. Точные хронологические рамки функционирования некрополя установить довольно трудно, поскольку более двух третей захоронений было разграблено⁵, однако даже предварительные результаты исследований, в частности изучения найденных на памятнике папирусов и керамики, позволяют утверждать, что его использовали с эллинистического по средневековый период⁶.

Судя по находкам в Дейр-аль-Банате и на других хронологически и типологически близких египетских некрополях⁷, данным письменных⁸ и изобразительных памятников⁹, погребальный обряд в Египте конца IV–IX вв. подразумевал захоронение тела в одеждах и нескольких слоях грубых погребальных пелен¹⁰. Иногда наряду с грубыми погребальными пеленами усопшего оборачивали тканями более высокого качества¹¹, предположительно представляющими собой повторно использованный интерьерный

⁵ Белова 2012: 8–9.

⁶ Белова 2017.

⁷ О типологически близких египетских некрополях см.: Tolmacheva 2017.

⁸ Подробнее см.: Войтенко 2012.

⁹ См., например: Voytenko 2016: 1422.

¹⁰ Подробнее о текстильных находках на памятнике см.: Orfinskaya et al. 2015; Orfinskaya, Tolmacheva 2017; Tolmacheva 2017; Орфинская и др. 2017; Орфинская, Толмачева 2017.

¹¹ О критериях определения качества пелен см.: Орфинская 2015; Orfinskaya et al. 2015.

текстиль. В качестве примера можно привести две ткани из неграбленной могилы 213, составлявшие внешний слой пелен¹².

В заполнении разграбленной могилы 203 на южном некрополе, в квадрате F17, найден целый ряд предметов археологического текстиля, относящихся к позднеантичному — раннеисламскому текстильному комплексу. Там же обнаружена голова ребенка шести-семи лет¹³, обернутая в три погребальные пелены разного качества (рис. 2). Непосредственно на череп наложили ткань 2008/0063/001a, затем шла «ткань с петухами» (2008/0063/001), возможно предмет повторно использованного интерьерного текстиля, и, наконец, внешний слой пелен был представлен грубой погребальной пеленой 2008/0063/001б. Таким образом, здесь предмет повторно использованного интерьерного текстиля не «украшал» внешний слой пелен, как это было в случае с погребенным в могиле 213, а находился ближе к телу покойного.

Кратко остановимся на тканях из заполнения могилы 203.

Как говорилось выше, непосредственно на теле покойного, от которого сохранилась одна голова, было три ткани. Внутренний слой пелен составлял фрагмент тонкой льняной неокрашенной ткани 2008/0063/001a размером 14×20 см и плотностью 18/14 н/см². Толщина нитей основы и утка 0,3–0,4 см, крутка нитей — S средней степени (рис. 3). Технологическими характеристиками эта ткань сходна с тканью 2008/0128/001/05 из погребения 213¹⁴. Последняя представляет собой длинную прямоугольную полоску ткани (длина ок. 150 см, ширина 42 см), которую наложили непосредственно на лицо усопшего. Можно предположить, что оба изделия относились к определенной группе текстиля, обладавшего ритуальными функциями — этими тканями закрывали лицо покойника.

Грубая ткань 2008/0063/001б, составлявшая внешний слой пелен, вероятно, относится к так называемой 4-й группе погребальных пелен Дейр-аль-Баната¹⁵. Подобные ткани довольно часто встречаются на некрополе. Их отличают темный цвет льна и наличие рядов толстых нитей утка через четыре-пять рядов нитей утка обычной толщины. Ткань 2008/0063/001б декорирована короткими (4–5 см длиной) полосками, идущими вдоль условной горизонтальной оси ближе к краю с длинной бахромой¹⁶. Они выполнены путем введения дополнительных цветных (желтых, красных, синих, оранжевых), чаще всего шерстяных, нитей утка. Пелена сохранилась очень фрагментарно, поэтому о ее декоративной композиции ничего определенного сказать нельзя. Однако в том же заполнении было еще несколько фрагментов грубых погребальных пелен 4-й группы, украшенных небольшими крестиками синего, красного и оранжево-желтого цвета (2008/0086/003, 2008/0086, 2008/0057/001-1) (рис. 4) и обычными для данной группы

¹² Подробнее об этом погребении и происходящем из него текстильном материале см.: Orfinskaya et al. 2015; Orfinskaya, Tolmacheva 2017; Орфинская и др. 2017; Толмачева 2017.

¹³ Антропологическое определение д. и. н. С. В. Васильева.

¹⁴ Технологические характеристики ткани 2008/0128/001/05 см.: Орфинская и др. 2017: 20–21;

Orfinskaya, Tolmacheva 2017: 15–19, 22–23, fig. 6, 7, 8, 9, 10.

¹⁵ О предварительной классификации грубых погребальных пелен с некрополя см.: Tolmacheva 2017: 51–53; Орфинская и др. 2017: 18–20.

¹⁶ См., например: Орфинская и др. 2017: 18, рис. 2 (II.3, II.4, III.4).

Рис. 2. Голова ребенка, обернутая фрагментами тканей. Фото С. В. Иванова

Рис. 3. Фрагмент тонкой льняной ткани 2008/0063/001а. Фото О. В. Орфинской

Рис. 4. Фрагменты грубых погребальных пелен с крестами (фото С. В. Иванова):

a — 2008/0057/001-3;

b — 2008/0086 (фрагмент);

c — 2008/0057/001-1 (фрагмент)

короткими красными и сине-зелеными полосками (2008/0086/005). Возможно, остатки ткани 2008/0063/0016 вместе с одним или несколькими из этих фрагментов некогда составляли единое изделие.

В заполнении могилы 203 также обнаружены фрагмент грубой погребальной пелены 1-й группы (2008/0063/003), два фрагмента коричневой шерстяной шапочки (2008/0063/002)¹⁷, плетеной в технике «спрэнг», фрагмент желтой шерстяной туники с гобеленовой вставкой и декоративной штопкой (2008/0086/002), фрагмент светлой тесьмы (2008/0086/004), фрагмент грубой погребальной пелены светлого цвета, сшитый таким образом, что получился капюшон (2008/0087), и небольшой фрагмент шкуры животного (2008/0086/001, 5 × 10 см, овца?) с плотно прижатым к нему фрагментом льняной ткани. Набор тканей представляется довольно однородным, из чего мы заключили, что все они, хотя и были найдены в заполнении, вполне могли принадлежать к погребению ребенка, обернутого в «пелену с петухами».

Что же касается собственно «пелены с петухами» (2008/0063/001), то она сохранилась в нескольких фрагментах (рис. 5). При разработке проекта реставрации реальная (реконструируемая) длина ткани была уменьшена в целях удобства экспозиции и хранения¹⁸. Таким образом, в настоящее время длина изделия в отреставрированном виде составляет 130 см (плюс трех-четырёхсантиметровая бахрома с каждого конца ткацкого куска), ширина — 140 см (рис. 6).

О. В. Орфинская предложила реконструкцию изделия (рис. 7). Реконструируемая длина 220 см, ширина 140 см. Начало и конец ткацкого куска оформлены бахромой длиной 3–4 см. После бахромы, на расстоянии 2 см от края, идут полосы мережки шириной 4 см. Далее по всему полотну с различным интервалом сделаны полосы из толстых нитей утка; вероятно, они были нужны мастеру, чтобы симметрично разместить гобеленовые вставки. Между мережкой и бахромой в верхней части пелены (судя по ориентации рисунка), на расстоянии 41 см от правого угла, привязан пучок волос (рис. 8).

Технологические характеристики объекта стандартны для египетского позднеантиничного интерьерного текстиля. Базовая ткань выполнена в технике полотняного переплетения. Нити основы и утка льняные S-крутки средней степени, толщина нитей 0,3–0,4 мм. Плотность базовой ткани 14/10 н/см². При переходе к тканью гобеленовых вставок нити основы были объединены в группы по две нити. Нити утка гобеленовых вставок шерстяные неравномерной S-крутки сине-зеленого, красного, желтого, бежевого, бирюзового, синего, светло-зеленого, розового, оранжевого¹⁹ цвета (их толщина 0,2–0,5 мм) и льняные, аналогичные нитям базового полотна. Плотность ткани в районе гобеленовых вставок 5/30–42 н/см². Полосы из толстых нитей утка тоже выполнены в технике полотняного переплетения. Нити льняные неокрашенные слабой S-крутки, их толщина 0,5–0,8 мм. Кромка ткацкого куска простая.

¹⁷ Шапочка была разорвана на фрагменты, вероятнее всего использовавшиеся как завязки еще до погребения. Подобные объекты, повторно использованные тем же образом, встречаются на некрополе.

¹⁸ Ткань была отреставрирована в 2009 г. группой реставраторов под руководством Н. П. Синецкой.

¹⁹ Приводится визуальная оценка цветов.

Рис. 5. Фрагменты пелены 2008/0063/001 до реставрации. Фото С. В. Иванова

Рис. 6. Пелена 2008/0063/001 после реставрации.
Реставратор — Н. П. Сеницына, фото Б. Буаморо

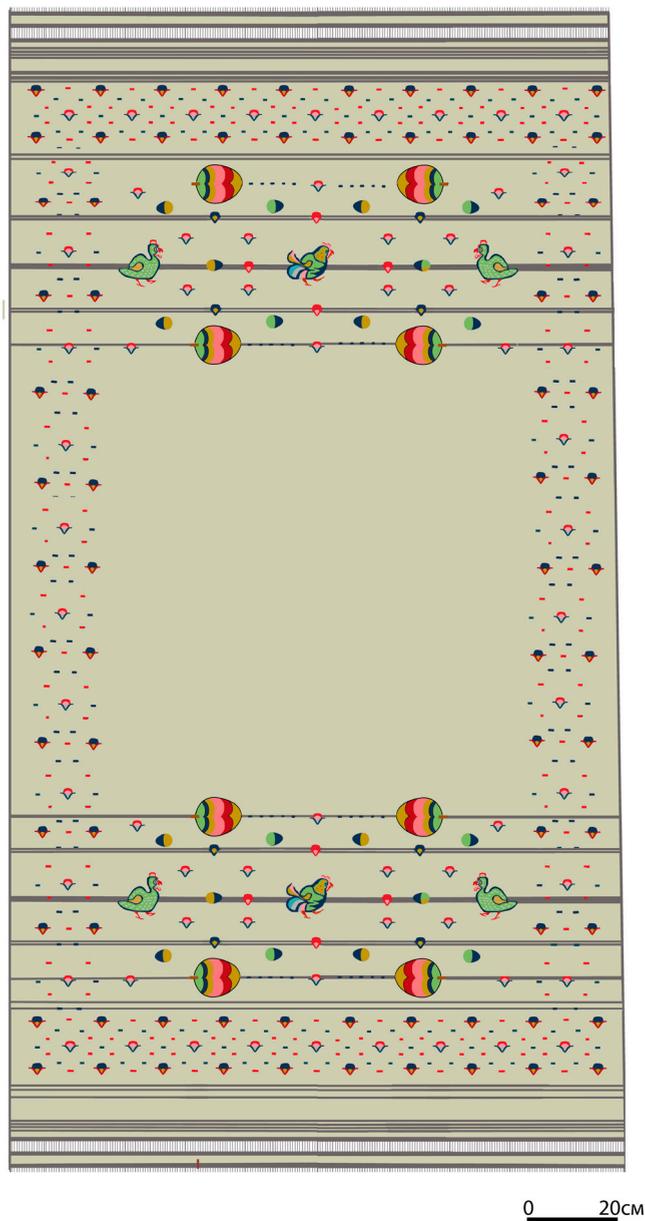

Рис. 7. Реконструкция пелены 2008/0063/001. Выполнена О. В. Орфинской

Рис. 8. Пучок волос, привязанных к мережке пелены. Фото С. В. Иванова

Рассмотрим подробнее частично реконструированную композицию из гобеленовых вставок. В основе построения композиции лежит ромбовидная сетка, образованная небольшими чередующимися красными и сине-зелеными черточками. В ромбовидные поля вписаны условные бутоны с сине-зеленым чашелистиком, бежевой сердцевинкой и красными лепестками, которые через ромб чередуются с аналогичными бутонами с розовой сердцевинкой. В треугольные поля вотканы условные бутоны с красным чашелистиком, желтой сердцевинкой и синими лепестками. Ромбовидная сетка образует прямоугольную рамку, внутри которой размещены все остальные элементы декоративной композиции. Короткая сторона рамки находится на расстоянии 15 см от мережки, длинная — в 5 см от боковой кромки.

Внутри рамки, снизу и сверху, вытканы симметричные «прямоугольники» размером 80 × 40 см (рис. 9). Их внутреннее пространство заполнено ромбовидной сеткой, образованной чередующимися овальными бирюзово-синими и желто-сине-зелеными «бутонами» и «бутонами» с сине-зеленым чашелистиком, розовой сердцевинкой и красными лепестками. В верхние и нижние треугольные поля вписаны большие овальные «бутоны» с бирюзовым чашелистиком, желтой сердцевинкой и красно-розовыми лепестками (рис. 10). Ближе к вершине треугольников помещены маленькие сине-зелено-желтые «бутоны».

В центральном ромбовидном поле каждого «прямоугольника» выткан петух с округлым светло-зеленым туловищем, желто-бирюзовой головой, шеей с красными крапинками, разноцветным розово-желто-бирюзово-бежевым²⁰ хвостом, оранжевым

²⁰ Под «бежевым» в данном случае понимается цвет неокрашенного льна.

гребнем и ярко красными лапками (рис. 11). Фигура обведена толстым темно-синим контуром, гребень и клюв имеют красный абрис. На брюшке петуха объем передан при помощи крупных «штрихов» сине-зеленого цвета. Небольшие круглые крылья птицы вытканы желтым. В каждом углу ромба помещен маленький розово-красный условный бутон.

В боковые треугольные поля вписаны изображения бирюзовых в светлую крапинку куриц с розово-красным гребнем и красными лапками (рис. 12). Фигурки обведены толстым темно-синим контуром.

Таким образом, главные персонажи пелены — петух и две курицы по обе стороны от него, причем все три фигуры помещены на одну условную линию.

Переходя к интерпретации изображений на интерьерной ткани 2008/0063/001, следует сделать несколько предварительных замечаний.

Подобного рода изделия, украшенные гобеленовыми вставками с разнообразными птицами, цветами, корзинами с фруктами и т. п., были очень популярны в позднеантичном Египте. В музейных собраниях представлено множество фрагментов льняных тканей с красочными изображениями представителей мира живой природы²¹.

Ромбовидный сплошной, или так называемый ковровый, орнамент, лежащий в основе построения композиции «пелены с петухами», с середины V в. был характерен для позднеантичного искусства. Большинство исследователей сходятся во мнении, что этот орнамент распространился по всему Средиземноморью из сасанидской Персии²². Однако пока неясно, какой жанр изобразительного или декоративно-прикладного искусства дал толчок началу этого процесса. Основные споры вызывает вопрос о том, повлияли ли сасанидские шелка и прочие текстильные изделия на сюжеты и композицию позднеантичных мозаик и текстиля или же ковровый орнамент пришел в позднеантичный мир через посредство других видов сасанидского декоративно-прикладного искусства, например торевтики. Кроме того, могла иметь место и внутренняя эволюция самого позднеантичного искусства²³. Так или иначе, в случае «пелены с петухами» принцип построения декоративной композиции является верным датирующим признаком.

Гораздо сложнее поддаются интерпретации изображения кур и петухов на позднеантичных тканях.

Представленный на пелене сюжет не имеет прямых аналогий на позднеантичных тканях. Более того, в отличие от других представителей семейства пернатых, например попугаев, которых египетские ткачи изображали довольно часто, петухи и куры редко привлекали их внимание. С чем связано такое пренебрежение к, казалось бы, одной из самых распространенных птиц на земле? Занимались ли египтяне разведением кур? Играли ли куры и петухи какую-то роль в египетской мифопоэтической традиции? Каковы символика и функции кур и петухов в египетском культурно-историческом контексте?

²¹ В Дейр-аль-Банате найдено несколько таких тканей. См., например: Толмачева 2017.

²² См., например: Dunbabin 1999: 176–193; Lavin 1963: 197–198; Levi 1947: 482; Kitzinger 1946 и т. д.

²³ См. разные мнения на этот счет: Kitzinger 1963: 346–348; Lavin 1963: 196–203; Morey 1938: 42–45; Levi 1947: 447–453; Gonosová 1987 и т. д.

Рис. 9. Пелена 2008/0063/001 (фрагмент). Фото Б. Буаморо

Рис. 10. Гобеленовая вставка в виде бутона. Лицевая сторона до реставрации (вверху), изнаночная сторона после реставрации (внизу). Фото С. В. Иванова

Рис. 11. Гобеленовая вставка с изображением петуха. Фото Б. Буаморо

Рис. 12. Гобеленовая вставка с изображением курицы. Фото Б. Буаморо

Доместикация курицы и проблема происхождения и распространения кур в Древнем Египте

На стенах гробниц и храмов представлена удивительно полная картина животного мира, окружавшего древнего египтянина. Утки, гуси, журавли, цапли и даже прирученные пеликаны были в домашних, царских и храмовых хозяйствах, однако, как ни странно, среди всего этого многообразия пернатых нельзя увидеть ни кур, ни петухов. Разводили ли египтяне кур? Когда эта птица появилась в Египте? Эти вопросы являются предметом дискуссий среди палеозоологов и археологов. Споры вызваны главным образом малочисленностью и фрагментарным характером имеющихся в распоряжении исследователей источников²⁴. Так, одни авторы считают, что первое изображение петуха в Египте — это довольно условное граффито на каменном блоке из храма Сенусерта III (1872–1853/52 гг. до н. э.) в Медамуде²⁵. Опубликовавший граффито Р. Котвией-Жироде датировал его Средним царством (1785–1660 гг. до н. э.)²⁶, другие авторы, например П. Хулихан, уверены, что рисунок появился на блоке позднее²⁷.

Неоднозначно трактуют и самое раннее свидетельство о курах в письменных источниках. В анналах Тутмоса III в Карнаке, в списке дани, доставленной из Сирии, перечислены некие четыре птицы (*3pd.w*): «Они [...] каждый день (*js̄t s.t hr [...]t r̄ nb*)»²⁸. Опираясь на лингвистические и эпиграфические данные, К. Зете предложил реконструировать фразу как «они рожают каждый день» (*js̄t s.t hr ms.t r̄ nb*)²⁹, что, по его мнению, подразумевает ежедневно несущихся кур³⁰. Существует, однако, и другая реконструкция, предложенная Ф. В. фон Биссингом, который считал, что эти четыре птицы «поют» (*hs.t*)³¹.

Самым известным древнеегипетским артефактом, на котором определенно запечатлен петух, можно назвать остракон (рис. 13), обнаруженный Г. Картером в Долине царей, в нижних непотревоженных слоях между гробницей Рамсеса IX и гробницей 55³². Исследователь датировал находку довольно широко — периодом с 1425 по 1123 г. до н. э. (середина XVIII — вторая половина XX династии)³³. К концу Позднего периода относится изображение петуха в гробнице Хапиу (XXX династия, 380–342 гг. до н. э.)³⁴.

²⁴ Подробный обзор круга древнеегипетских источников и их трактовок в современной историографии см.: Ярмолович 2017: 35–44; Redding 2015: 335–338.

²⁵ Cotteville-Giraudet 1931: 42. См. новую прорисовку, выполненную В. И. Ярмолович непосредственно на памятнике: Ярмолович 2017: рис. 2.

²⁶ Cotteville-Giraudet 1931: fig. 42. Т. е., по мнению автора публикации, граффито появилось на блоке позднее времени правления Сенусерта III.

²⁷ Houlihan 1988: 80. На мой взгляд, идентификация изображенной птицы как петуха в принципе далеко не бесспорна.

²⁸ Urk. IV, 700: 14.

²⁹ Sethe 1916: 114–115.

³⁰ В настоящее время это прочтение принимается большинством исследователей (Houlihan 1988: 80; Redding 2015: 337; Brewer et al 1994: 124; Bailleul-Lesuer 2016: 417 и т. д.), хотя П. Хулихан и призывает относиться к нему с осторожностью, подчеркивая, что вопрос не может считаться окончательно решенным (Houlihan 1995: 201–202).

³¹ Цит. по: Carter 1923: 4.

³² Carter 1923: 1. Остракон хранится в Британском музее, инв. № 1975,1206.1.

³³ Carter 1923: 1. П. Хулихан датирует объект XIX династией (Houlihan 1988: 79).

³⁴ Houlihan 1988: 81.

В нашем распоряжении есть и другие письменные и изобразительные источники династического времени³⁵, которые позволяют заключить, что вплоть до птолемеевского периода петухи и куры были в Египте диковинами, завезенными в страну для развлечения знати и царей.

Аналогичная ситуация, по-видимому, наблюдалась в Нубии. Так, на кушитском некрополе в Нури, в гробнице, принадлежавшей царице Иетуров, супруге фараона Атанерса, дочери фараона Тахарки (VII в. до н. э.), найдено несколько фрагментов костяных изделий с изображениями петухов, стоящих на бутонах папируса (рис 14)³⁶.

Что касается остеологических материалов, то есть мнение, что самые ранние костные останки кур, найденные в Египте, датируются XVIII династией³⁷. Однако внешний вид останков дал основание некоторым зоологам утверждать, что они принадлежат не курам, а разного рода водоплавающим и хищным птицам³⁸. По последним данным самые ранние находки костных останков кур в археологическом контексте происходят из слоев Позднего периода³⁹ в Буто и на Элефантине⁴⁰.

Так как же происходила domestикация кур? Как и когда они появились в Египте?

Палеозоологи, генетики и археологи совместными усилиями пытаются установить, где и когда диких кур впервые приручили и каковы были дальнейшие пути распространения курицы по всему обитаемому миру. Большинство исследователей сходятся во мнении, что домашние куры (*Gallus gallus domesticus*) произошли от банкивской джунглевой курицы (*Gallus gallus*), обитающей в Южной Азии, на территории от западных предгорий Гималаев до Суматры⁴¹. В то же время в специализированных публикациях отмечается, что domestикация — не одномоментный акт, а длительный процесс. Исследования метахондриальной ДНК показали, что на современных кур оказали влияние несколько диких видов⁴².

³⁵ Среди них, например, серебряная чаша из Тель-Басты, на которой изображен петух, возможно, с двумя цыплятами (Метрополитен-музей, инв. № 07.228.20, см.: <http://www.metmuseum.org/art/collectio/search/544698>, дата обращения: 01.10.2017). Она датируется либо временем Рамсеса II (XIX династия, 1279–1213 гг. до н. э. (Lilyquist 2012: 38)), либо III Переходным периодом (XXI–XXII династии (Simpson 1959: 29–30; Bailleul-Lesuer 2016: 418, note 66)). Высказывали мнение, что в папирусе Анастази (р. Anast. IV, 2, 3) рамессидского времени под термин *skm*, больше нигде не встречающимся, подразумеваются куры (Görg 1981). Не менее сомнительным представляется и другой пример, часто приводимый в пользу точки зрения о том, что египтяне начали разводить кур в Новое царство. В гробнице Рехмира (ТТ 100), визирия Тутмоса III, находится плохо сохранившееся изображение ритона, который, по мнению Г. Картера, был выполнен в форме головы петуха (Carter 1923: 17; Darby et al. 1977). Согласно иной трактовке сосуд имел форму головы грифона (PM I, 1: 207). На мой взгляд, сложно не согласиться со сло-

вами Р. Байяль-Лёзе о том, что к тому времени, когда автор единственной известной в настоящее время прорисовки Н. де Гарис Дэвис (Garis Davies 1943: pl. XVIII) осматривала гробницу, детали, которые позволили бы с достаточной степенью определенности идентифицировать существо как петуха, были уже утрачены (Bailleul-Lesuer 2016: 418, note 66).

³⁶ Dunham 1955: 53–55. Подробнее о свидетельствах «пробывания» петуха в Нубии см.: MacDonald, Edwards 1993: 589.

³⁷ Darby et al. 1977: 301, 304. Хранятся в Каирском сельскохозяйственном музее.

³⁸ MacDonald, Edwards 1993: 587; Redding 2015: 336–337. Первым на это обратил внимание немецкий археозоолог А. фон ден Дриш.

³⁹ Вероятно, эпохи первого персидского завоевания.

⁴⁰ Driesch 1997; Driesch, Peters 2008.

⁴¹ Lawler 2012: 1020–1922; Gifford-Gonzalez, Hanotte 2011: 15–16; Mwacharo et al. 2013: 98–99; Perry-Gal et al. 2015: 9849.

⁴² Gifford-Gonzalez, Hanotte 2011: 15–16.

Рис. 13. «Остракон Каргера». ©Trustees of the British Museum. Лицензия: CC BY-NC-SA 4.0

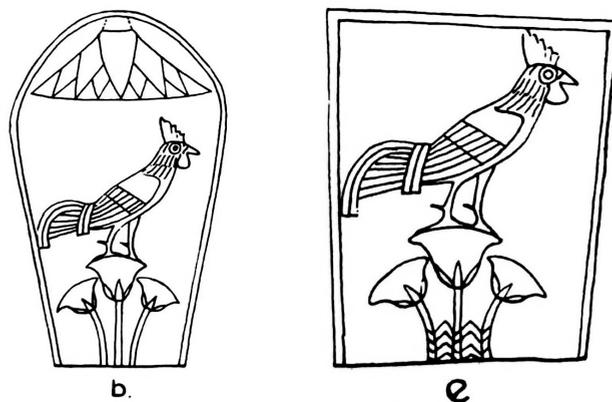

Рис. 14. Костяные пластины с изображением петухов. Нубия. По: Dunham 1955: 37, fig. 22, b, e

Считается, что начало процессу доместикации было положено в VI тыс. до н. э.⁴³ Согласно одной из точек зрения к III тыс. до н. э. кур завезли из долины Инда (Хараппская цивилизация) в Месопотамию⁴⁴. Как отмечает П. Хулихан, по данным письменных источников куры существовали в Месопотамии уже в эпоху III династии Ура⁴⁵ (2111–2003 гг. до н. э.). Р. Реддинг полагает, что проникновение кур на Ближний Восток шло через Иран (3900-е гг. до н. э.), Турцию и Сирию (2400–2000 гг. до н. э.) в Иорданию (1200-е гг. до н. э.)⁴⁶.

О времени начала разведения кур в Египте в научной литературе существует несколько предположений. Так, К. Макдональд и Д. Эдвардс утверждают, что не существует серьезных остеологических доказательств сельскохозяйственного использования кур ранее греко-римского времени⁴⁷. В другой публикации К. Макдональд (совместно с Р. Бленчем) поясняет: в Новое царство петуха могли привозить как некую диковину, однако экономическое значение куры получили в Египте после прихода к власти Птолемеев⁴⁸. Р. Реддинг обращает внимание на то, что вплоть до недавних пор остеологический материал из раскопок в Египте практически не изучался, и предлагает не отказываться от рассмотрения «остракона Картера» в качестве свидетельства начала разведения кур к 1120 г. до н. э.⁴⁹ По мнению других палеозоологов, куры могли завозиться на Африканский континент несколько раз, по разным причинам и в разные исторические периоды⁵⁰.

На мой взгляд, источники (скорее, их почти полное отсутствие) свидетельствуют в пользу предположения о позднем появлении кур в Египте. Практически все остеологические материалы, письменные и изобразительные памятники, связанные с интересующей нас проблемой, относятся именно к птолемеевскому и римскому времени. В более ранние эпохи петух, будучи птицей чужеземной и диковинной, не имел в глазах египтян особого символического и ритуального значения, не стал для них таким популярным фольклорным и мифологическим персонажем, как, например, в греческом и римском мире. Все представления, касающиеся кур и петухов, пришли в Египет вместе с эллинской и римской бытовой и художественной культурой, частью которой они, безусловно, являлись.

Петухи и куры в античной Греции и Риме

В Греции петухи и куры пользовались широкой популярностью. Помимо сельского хозяйства их задействовали в петушиных боях, которые были неотъемлемой составляющей эллинской культуры. Также петухи фигурировали в мифологии и фольклоре, считались культовыми животными сразу нескольких богов греческого пантеона, часто использовались в качестве жертвенных животных.

⁴³ Perry-Gal et al. 2015: 9849.

⁴⁴ Coltherd 1966: 220; Perry-Gal et al. 2015: 9849; Mwacharo et al. 2013: 99; Bailleul-Lesuer 2016: 417.

⁴⁵ Houlihan 1988: 80.

⁴⁶ Redding 2015: 338–340.

⁴⁷ Macdonald, Edwards 1993: 587.

⁴⁸ Blench, MacDonald 2000: 496–499.

⁴⁹ Redding 2015: 338.

⁵⁰ Mwacharo et al. 2013: 99.

Следует сразу подчеркнуть, что роли петуха в греческой культуре посвящено огромное число публикаций. Я не ставлю своей целью изучить всё многообразие представлений об этой птице, приведу лишь краткий обзор символики петухов и кур в религиозно-мифологической и социально-бытовой сферах.

Несмотря на обилие самых разнообразных источников (в отличие от Древнего Египта), вопрос о том, когда и как появился в Греции петух, тоже вызывает дискуссии. Большинство исследователей считает, что он попал туда из Персии. Есть мнение, что это произошло во время греко-персидских войн, т. е. в начале V в. до н. э.⁵¹ Предположение основывается на широко известном фрагменте комедии Аристофана «Птицы», в котором комедиограф назвал петуха «персидской птицей» (Περσικὸς ὄρνις) (Аг. Ав. 483–485)⁵². Однако в настоящее время среди антиковедов общепринятым считается, что, хотя петуха и завезли в Грецию из Персии, случилось это несколькими столетиями ранее — в VII–VIII вв. до н. э.⁵³ Любопытно, что одна из первых находок глиняных фигурок петухов происходит из погребального контекста. Пара терракотовых петухов обнаружена в погребении мальчика на некрополе Керамик в Афинах (ок. 740 г. до н. э.)⁵⁴.

К VI–V вв. до н. э. петухи и куры распространились по всей Греции. Известны многочисленные терракоты⁵⁵, изображения на монетах⁵⁶, сосудах⁵⁷ и т. д. О любви афинян к петухам свидетельствует традиция украшать их изображениями панафинейские призовые амфоры, которая существовала с 540 до 400 г. до н. э.⁵⁸ Две птицы

⁵¹ См. критику этой точки зрения в Nadeau 2015: 1–2).

⁵² Dumont 1988:34–35; Popkin 2012: 220–221.

⁵³ См., например: Pollard 1977: 88; Popkin 2012: 220; Eckerman 2012: 42. Альтернативной точки зрения, основанной на публикации West, Zhou 1988, в которой приводятся сведения об остеологических находках на территории Европы, в частности на Родосе (IV–III тыс. до н. э.), Крите (4000–1100 гг. до н. э.) и в Лаконии (1230–1100 гг. до н. э.), придерживается Р. Надо. По его довольно спорному предположению, куры появились в Греции задолго до VII в. до н. э. и существовали уже во времена Гомера и Гесиода, которые просто не упоминали о них. Персидской же птицей Аристофан назвал петуха в шутку, подразумевая политическую сатиру греков на персов (Nadeau 2015: 3–4).

⁵⁴ Knigge 1988: 21–23, fig. 14; Popkin 2012: 217, note 41.

⁵⁵ Например, фигурка петуха из Метрополитен-музея (начало V в. до н. э., инв. № 74.57.16, см.: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/244797>, дата обращения: 16.10.2017), родосские терракоты V в. из Британского музея (Higgins 1970: 78–79, № 187–190, pl. 34–35), Музея Мартина фон Вагнера (Schmidt 1994: 44, № 38, Taf. 10d), еще одна фигурка

того же времени и тоже, возможно, происходящая с Родосса (Walker, Hertig 1996: 47–48, № 68), терракотовые фигурки петуха V в. до н. э. из Коринфа (Stillwell 1952: 153–156, pl. 33–34 (XXII, 7); Walker, Hertig 1996: 48–49, № 69) и т. д.

⁵⁶ Из ранних примеров упомяну изображения петуха на монетах Химеры (Сицилия) (520–482 гг. до н. э.; 472–472 гг. до н. э.), Каристоса (480–445 гг. до н. э.), Камарина (420–405 гг. до н. э.) и т. д.

⁵⁷ См. примеры ранних сосудов VI в. до н. э. в публикации В. И. Ярмолович (Ярмолович 2017: 42, примеч. 40). Также стоит отметить амфору из Музея изящных искусств в Бостоне с изображением двух дерущихся петухов (ок. 540 г. до н. э., инв. № 89.273, см.: <https://www.mfa.org/collections/object/two-handled-jar-amphora-with-cover-depicting-the-harnessing-of-a-chariot-153390>, дата обращения: 16.06.2017), килик из Метрополитен-музея (560–550 гг. до н. э., инв. № 06.1021.157, см.: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/247321>, дата обращения: 16.06.2017) и гидрию из того же музея (560 г. до н. э., инв. № 56.171.28, см.: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/254886>, дата обращения: 16.06.2017).

⁵⁸ См. подробнее: Popkin 2012; Eckerman 2012; Bentz, Eschbach 2001 и т. д. Обзор историографии см.: Popkin 2012.

восседали на колоннах по обе стороны от богини-воительницы Афины, облаченной в доспехи и держащей в руках щит и копье⁵⁹. Существуют различные интерпретации символического значения этих изображений. М. Попкин считает, что в данном случае петух выступал зримым образом богини — защитницы города, а сама иконография панафинейских амфор представляла собой попытку Афин прославить себя в качестве лидера всего греческого мира⁶⁰.

Важной представляется семантика слова ἀλέκτωρ, с VI в. до н. э.⁶¹ использовавшегося в древнегреческом языке для обозначения петуха. Это существительное происходит от глагола ἀλέξω ‘защищать’⁶².

Многие исследователи объясняют иконографию панафинейских амфор любовью греков к петушиным боям: пара петухов символизировала бойцовский дух⁶³. Так, К. Экерман предлагает рассматривать птиц на колонах как вотивные статуэтки, установленные в ознаменование побед в реальных или мифических петушиных боях⁶⁴.

И действительно, петушиные бои с самых ранних пор были неотъемлемой частью социально-бытового уклада жизни эллинов⁶⁵. Это развлечение, впервые упомянутое в «Орестее» Эсхила (Aesch. *Eum.* 861)⁶⁶, к V в. до н. э. получило широкое распространение по всей Греции, о чем свидетельствуют многочисленные изобразительные (рис. 15)⁶⁷ и письменные (например, Пиндар «Олимпийские песни» (Pind. *Ol.* 12.14))⁶⁸ источники. Петушиные бои были не просто зрелищным спортом, воспроизведение данного мотива в вазописи и упоминания в литературных памятниках говорят о глубоком

⁵⁹ Примеры панафинейских амфор с петухами: Popkin 2012: 208, fig. 1 (530–520 гг. до н. э., Метрополитен-музей, инв. № 14.130.12); 209, fig. 2 (530–520 гг. до н. э., Британский музей, инв. № B134); 212, fig. 4 (ок. 540 г. до н. э., Муниципальный музей земли Баден в Карлсруэ, инв. № 65/45) и т. д.

⁶⁰ Popkin 2012: 207.

⁶¹ Первое упоминание у Феогнида Мегарского, поэта VI в. до н. э.: «Бросают меня друзья, ничего не хотят за мною дать, // хотя явились мужчины. Так я сама же // с вечера выйду, а обратно вернусь под утро, // под пение просыпающихся петухов» (Thgn. 861–864; перевод Ю. А. Голубца).

⁶² Т. е. «защитник». Подробнее см.: Chantraine 1968: 57–58; Popkin 2012: 220; Eckerman 2012: 42 и т. д. М. Попкин отмечает, что тот же эпитет использовали, говоря об Афине, что еще раз подтверждает связь между этими двумя персонажами (Popkin 2012: 220).

⁶³ См. подробнее: Popkin 2012: 216, note 38; Eckerman 2012: 40, notes 4, 5, 7, 8, 9.

⁶⁴ Eckerman 2012.

⁶⁵ Подробнее о символике петушиных боев, отражении связанных с ними реалий в литературе и искусстве см.: Hoffmann 1974; Eckerman 2012: 43; Cohen 2007: 15–16; Csapo 1993a; 1993b; Dumont 1988 и т. д.

⁶⁶ «Как петелов пред боем, горожан моих // Не стравливай» (перевод В. Иванова). Первое представ-

ление «Орестей» — 458 г. до н. э. (Popkin 2012: 217, note 40).

⁶⁷ См., например, изображения сцен петушиных боев на керамике: на чернофигурной тарелке 550–540 гг. до н. э. из Эшмолеанского музея искусства и археологии в Оксфорде (инв. № AN1934.333, см.: Hoffmann 1974: 200–201, Abb. 3), на краснофигурном пелике 430–420 гг. до н. э. из Античного собрания (Берлин) (инв. № F 2356, см.: Hoffmann 1974: 200–201, Abb. 4), на краснофигурном пелике 470–460 гг. до н. э. из Британского музея (инв. № 1836,0224.219, см.: http://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?objectId=399721&partId=1&searchText=E419&page=1, дата обращения: 30.09.2017), на чернофигурной тарелке из Берлинского музея (инв. № 3067, см.: Hoffmann 1974: 202, Abb. 6), на килике из Эшмолеанского музея искусства и археологии (инв. № AN1964.621, см.: Hoffmann 1974: 203, Abb. 7) и т. д. Из поздних, эллинистических, изображений приведу в пример мозаику II–I вв. до н. э. в Ханье на севере Крита, на которой представлена пара петухов, приготовившихся к бою (Bruneau 1965: 110, fig. 16, 17; Jastrzeboivska 1975: 96, fig. 3).

⁶⁸ «Так и для тебя, // Боевого петуха в четырех стенах» (перевод М. Л. Гаспарова). О петушиных боях в литературе см.: Hoffmann 1974: 199–200.

символизме этого действия, заложенном на уровне как религиозно-мифологическом, так и социально-бытовом⁶⁹. Петух олицетворял мужественность, воинский дух, имел определенные гомосексуальные коннотации⁷⁰.

С петушиными боями связано еще несколько мотивов, важных при рассмотрении символики петухов в греческой культуре, — судьбы, диалектики жизни и смерти. Последнее во многом обусловило роль петуха в погребальном контексте⁷¹.

Уже в конце V — начале IV в. до н. э. петухи появились на погребальных стелах. Так, на стеле, найденной в Макриялосе в Пиерии, сидящая на дифре женщина в пеплосе и накидке, закрыв глаза и подперев кулаком голову, обнимает ребенка. Сбоку, у ножек дифры, видна фигура петуха⁷². Безусловно, нельзя утверждать, что изображение петуха в данном случае имеет исключительно символическое значение, возможно, перед нами всего лишь жанровая сценка, передающая реалии повседневной жизни древних греков. Однако важен сам факт появления петуха в подобном контексте.

О том, что образ этой птицы входил в круг представлений о загробном мире, свидетельствуют ее изображения на ритуальных глиняных табличках, найденных при раскопках греческой колонии в Локри (Каламбрия). Так, на одной из них петух представлен сидящим у подножия трона Аида и Персефоны (Коры)⁷³ (рис. 16).

В Греции и позднее в Риме петуха среди прочих животных приносили в жертву богам. Самое известное упоминание об этом содержится в платоновском диалоге «Федон», где умирающий Сократ бросает фразу: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте» (Pl. *Phd.* 118a). А. А. Тахо-Годи в комментариях к «Федону» поясняет, что петуха приносил в жертву Асклепию выздоравливающий. Сократ же считал смерть выздоровлением души и освобождением от земных невзгод⁷⁴.

В трактате, приписываемом Диогену Лаэртскому, предположительно жившему во II—III вв., в части, посвященной Пифагору, говорится, что он заповедовал не касаться белого петуха, «потому что петух — проситель и посвящен Месяцу; просительство же есть доброе дело, а Месяцу он посвящен потому, что кричит в урочные часы; кроме того, белый цвет — от благой природы, а черный — от дурной». Также там отмечается,

⁶⁹ Подробнее об этом см.: Csapo 1993a; 1993b; Dumont 1988; Fowler 1989.

⁷⁰ Подробнее см.: Hoffmann 1974: 206–209; Cohen 2007: 15–16; Koch-Harnack 1983.

⁷¹ Hoffmann 1974: 213–214.

⁷² Стела (ок. 400 г. до н. э.) хранится в Археологическом музее Диона (инв. № 11375a (7829), см.: Cohen 2007: 16, fig. 5).

⁷³ Incorpora 1980: 47. См. также: Linder et al. 1988: 377, № 55, fig. 55; 378–379, № 59, fig. 59.

⁷⁴ Лосев, Тахо-Годи 1993: 434, примеч. 78. Существует несколько объяснений загадочных слов Сократа про петуха. Древние комментаторы сочли их бессвязным бредом умирающего (Wells 2008: 138). Современные специалисты воспринимают их как некий ключ, философскую загадку. Так, объяснение А. А. Тахо-Годи восходит к мнению Ф. Ницше, кото-

рый полагал, что Сократ считал жизнь болезнью, а жертвоприношение Асклепию, божеству исцеления, было способом поблагодарить его за избавление от этой болезни (Wells 2008: 138). Г. Мост предположил, что Сократа перед смертью посетило пророческое видение о выздоровлении его ученика Платона, который был болен и не присутствовал при казни, и он попросил поблагодарить за это Асклепия (Wells 2008: 139). Л. Мэдисон понимает слова Сократа в том смысле, что его ученики должны были поблагодарить Асклепия за исцеление их душ философией (Wells 2008: 139). Э. Вилсон в работе, посвященной последним часам жизни Сократа, отмечает, что умирающий философ в данном случае сравнивает смерть с рождением и благодарит Асклепия за помощь в возрождении его души к иной жизни (Wells 2008: 140).

Рис. 15. Изображение петуха на краснофигурном пелике 470–460 гг. до н. э. из Британского музея (инв. № 1836,0224.219). © Trustees of the British Museum. Лицензия: CC BY-NC-SA 4.0

Рис. 16. Изображение петуха на ритуальных табличках из Локри.
Фото пользователя AlMare. Лицензия: Creative Commons Attribution-Share Alike 2.5 Generic license.
Источник: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Locri_Pinax_Of_Persephone_And_Hades.jpg

что Пифагор «живых тварей никогда не приносил в жертву, разве что (по некоторым известиям) только петухов, молочных козлят и поросят, но никак не агнцев» (Diog. Laert. 8.20). О жертвоприношениях петухов спартанцами упоминает греческий писатель и философ I–II вв. Плутарх (Plut. *Inst. Lac.* 25)⁷⁵.

Писатель и географ II в. Павсаний в «Описании Эллады» упоминает поразивший его обычай: «Но вот чему я особенно удивился в Мефанах. Ливийский ветер, начиная дуть с Саронийского залива, когда распускается виноград, губит их нежные ростки. И вот, как только этот ветер начинает дуть, два человека, взяв петуха, совершенно белого, и разрезав его пополам, направляют в противоположные стороны, обегая виноградники каждый со своей половиной петуха; вернувшись в то место, откуда они двинулись, они там и зарывают обе части этого петуха. Вот что они придумали против ливийского ветра» (Paus. 34.3). Бронзовый петух в качестве votivного дара близнецам Диоскурам от некоего Евенета, победителя спортивных состязаний, упомянут у александрийского поэта III в. до н. э. Каллимаха (Call. *Epiqr.* 56 Pf.)⁷⁶.

Будучи жертвенным животным, петух занимал определенное место в мифологической картине мира античных греков и римлян. Считалось, что он выступает посредником между миром людей и миром богов.

Неслучайно петух был так или иначе связан со многими богами греческого и римского пантеонов. Как отмечалось выше, образ петуха входил в круг представлений об Афине. Связь между этими двумя персонажами существовала со времени появления петуха в Греции и вплоть до самых поздних этапов античной истории. Так, Павсаний, описывая статую Афины, отмечает, что «на ее шлеме изображен петух, так как петухи — птицы, наиболее склонные к боям; а может быть, и потому, что эта птица считается посвященной Афине Эргане» (Paus. 6.26.3).

Воинственная, бойцовая птица, петух был связан также с Аресом, а позднее с Марсом⁷⁷.

Несомненна и солярная символика петуха, присутствующая в самых разных фольклорных традициях, которая во многом объясняется его манерой петь на рассвете. Павсаний отмечает, что «эта птица посвящена богу солнца Гелиосу и <своим пением> возвещает наступающий восход солнца» (Paus. 5.25.5). Там же сказано, что петух является жертвенным животным Аполлона (Paus. 5.25.9). Плутарх отмечает, что «один ваятель изобразил на руке у Аполлона петуха в знак рассвета и утренней поры» (Plut. *De Pyth. or.* 400C). Гелиодор, писатель, живший в III–IV вв., в романе «Эфиопика» (Heliod. *Aeth.* I) упоминает час, когда «поют петухи, потому ли, что, как уверяют, они природным чутьем воспринимают поворот солнца к нам и пробуждаются приветствовать бога, или от теплоты и стремления скорее начать двигаться поют, будя своим призывом на работу тех, кто живет с ними».

⁷⁵ «Если спартанцам удастся победить врага хитростью, они жертвуют богу Арею быка, а если победа одержана в открытом бою — то петуха. Таким образом они приучают своих военачальников быть не просто воинственными, но и осваивать полководческое искусство» (перевод М. Н. Ботвинника).

⁷⁶ «Здесь посвятил меня Евенет, как он утверждает, — // Сам я не знаю того, я ведь лишь медный петух» (перевод Н. А. Чистяковой).

⁷⁷ Подробнее см.: Csapo 1993a: 8–11, а также приведенную в статье историографию.

Любопытные представления, связанные с петухом, содержатся в диалоге Лукиана Самосатского, жившего во II в., «Сновидение, или петух»⁷⁸ (Luc. Gall.) Его героя, башмачника Микилла, который видел сон, будто он богат, разбудил петух, сообщивший, что в прежнем своем воплощении был мудрецом Пифагором. В ходе беседы птица пытается убедить Микилла в преимуществах жизни бедняка и рассказывает об опасностях и горестях, таящихся в безбедном существовании богача. Здесь интересен не столько сюжет, сколько отдельные характеристики, позволяющие судить о символическом значении петуха для носителей античной культуры. Вот один из фрагментов (Luc. Gall. 28):

Петух. ...Гермес, которому я посвящен, исключительной наделил меня способностью: самое длинное перо в моем хвосте, загибающееся, настолько оно нежно...

Микилл. У тебя два таких пера.

Петух. Правое из них... Так вот, тот, кто с моего разрешения его вытащит и будет держать при себе, пока я этого хочу, сможет открыть любую дверь и все видеть, сам оставаясь невидимым.

Микилл. Ты скрыл от меня, петух, что ты — тоже волшебник. Дай мне только на один раз твое перо, и ты увидишь, что немного погодя всё имущество Симона будет перетащено сюда...

Петух. Не положено случиться этому. Гермес повелел: если кто-нибудь, владея пером, совершит нечто подобное, я обязан закричать и уличить его в воровстве.

Из отрывка представляются очевидными связь петуха с Гермесом, которому птица была посвящена, и определенные магические коннотации этого образа.

В том же диалоге приводится мифологический рассказ о некоем юноше Алектрионе, друге Ареса, который должен был стоять на страже во время встреч последнего с Афродитой и будить любовников до восхода солнца, т. е. появления Гелиоса. Однажды Алектрион невольно задремал, и Гелиос застал любовников и рассказал обо всем Гефесту, супругу Афродиты. «...Арес рассердился на Алектриона и превратил его в эту самую птицу вместе со всеми его доспехами, так что и сейчас у петуха на голове имеется гребень шлема. Вот почему вы, петухи, желая оправдаться перед Аресом, — хотя теперь это уже бесполезно, — чувствуя приближение солнца, задолго поднимаете крик, возвещая его восход» (Luc. Gall. 3). Этот рассказ средствами мифопоэтического языка объясняет происхождение яркого оперенья птицы, ее гребня, раскрывает причину, по которой петух кукарекает на заре, а также лишний раз указывает на его связь с Аресом.

Подобные представления продолжали существовать в эллинистической и римской религии, мифологии и бытовой культуре. Петухов изображали на геммах. Так, на камее II в. представлен петух с головой бородатого воина в шлеме, держащий копье и щит⁷⁹ и, вероятно, символизирующий бога войны Ареса (Марса). На других геммах в облике петуха с человеческой головой изображен Гермес (Меркурий), которого можно узнать по петасу (шляпе с широкими и гибкими полями) и керикyonu (кадуцею)⁸⁰.

⁷⁸ Подробнее см.: Marcovich 1976.

⁷⁹ Камя из частной коллекции, подробнее см.: Spier 2010: 246, fig. 2.

⁸⁰ Spier 2010: 246, note 7; Furtwängler 1896: № 7084. Аналогичные изображения, указывающие на связь петуха и Гермеса, см. в Spier 2010: 246, note 8–11.

Бронзовый тинтиннабул в виде итифаллической фигурки петуха-Гермеса хранится в коллекции Британского музея⁸¹ (рис. 17). Подобного рода объекты были чрезвычайно популярны в Риме. Как правило, их размещали в садах, портиках, при входе в дом, и, когда дул ветер, они издавали звуки, притягивая тем самым удачу и процветание⁸².

Все эти позднеэллинистические мотивы подчеркивают связь петухов с верховными богами греко-римского пантеона, а также эротическую составляющую образа петуха, которая прослеживается и по более ранним памятникам⁸³.

Многие из приведенных источников содержат упоминание о еще одной немаловажной роли петуха в античной картине мира. Крик петуха возвещает восход солнца и наступление нового дня, пришедшего на смену темной ночной поре со всеми сопутствующими ей неблагоприятными явлениями. В литературе нередко подчеркивается лиминальная природа этой птицы, символически пребывающей между разными пространственно-временными циклами и такими явлениями, как рождение, смерть, возрождение к иной жизни, что, соответственно, объясняет связь петуха с Гермесом (Меркурием), Асклепием, Персефоной⁸⁴.

Именно переходная, двойственная природа этой птицы, возможно, привела к использованию петухов и куриц в римских гадательных практиках. Известно, что в Риме начиная с самого раннего времени практика птицегадания, или ауспиции, наряду с гаруспициями (предсказанием будущего по внутренностям жертвенных животных) получила самое широкое распространение. Существовали специальные пулларии («цыпляники») — помощники авгуров при проведении гадания по священным цыплятам (*auspicia ex tripudiis*). Курам предлагали корм, обычно кашу из пшеничных зерен. Если куры клевали зерна и кусочки пищи выпадали из клюва на землю, это считалось благоприятным предзнаменованием, если отказывались есть — неблагоприятным (*Cic. Div. I.28; II.72–73*)⁸⁵. Полководцы брали с собой в поход клетку с курами и самого пуллария. В эпоху же поздней Республики пуллариями стали называть помощников при проведении ауспиций любого типа⁸⁶.

В I в. до н. э. Цицерон создал трактат «О дивинации», в котором критиковал существовавшие гадательные практики и связанные с ними суеверия. «Есть ведь люди, утверждающие, будто именно по петушиным внутренностям лучше всего узнавать будущее», — насмешливо замечает знаменитый оратор (*Cic. Div. II.29*). Также Цицерон иронизирует над сообщением, будто во время Беотийской войны «произошло чудо: петухи, приготовленные для жертвоприношений, стали петь, не переставая, так что ничто не могло их остановить. Тогда беотийские авгуры и предсказали, что победу одержат фиванцы, потому что обычно эти птицы побежденные молчат, а поют, когда победили» (*Cic. Div. I.74*).

⁸¹ Инв. № 1814,0704.415. Датировка: I в. Известные аналогии этой фигурки приводит Дж. Спир, см.: Spier 2010: 246–247, note 13, fig. 5.

⁸² Spier 2010: 247.

⁸³ Ср. с греческими итифаллическими фигурками петухов. См., например, скифос из коллекции Бостонского музея изящных искусств (ок. 470 г. н. э.,

инв. № RES.08.31c, см.: <https://www.mfa.org/collections/object/skyphos-153874>, дата обращения: 15.10.2017).

⁸⁴ См., например: Csapo 1993a: 8.

⁸⁵ Рижский 1985: примеч. 105.

⁸⁶ Лапырёнок, Сморгчов 2014: 49.

Широко известен исторический анекдот, дошедший до нас в пересказе сразу нескольких античных авторов, который связан с именем римского военачальника Клавдия Пульхра, консула 249 г. до н. э., командовавшего флотом во время Первой Пунической войны и потерпевшего сокрушительное поражение от карфагенян. Светоний в «Жизнеописании двенадцати Цезарей» отмечает, что «Клавдий Пульхр в Сицилии бросил в море вещей кур, которые во время гадания не пожелали клевать корм, выказав этим свое презрение к религии, причем сказал такие слова: “Пусть пьют, коли не хотят есть”» (Suet. *Tib.* 2).

Греков и римлян восхищала яркая, пестрая окраска петухов. Эту птицу ставили в один ряд с такими признанными красавцами птичьего мира, как павлины и фазаны. Так, у Диогена Лаэртского, в главе о Солоне, говорится, «что Крез, воссев на трон в пышном наряде, спросил Солона, видел ли он что-нибудь прекраснее; а Солон ответил: “Видел — и петухов, и фазанов, и павлинов: их убранство дано им природою и прекрасней в тысячу раз”» (Diog. Laert. I.51).

О том, сколь важное место занимало разведение кур в хозяйственной и экономической жизни римлян, свидетельствует внимание к этой отрасли римских писателей-агрономов I в. до н. э. — I в. н. э. Варрона и Колумеллы⁸⁷. Так, они описывают крупные хозяйства с огромными птичниками, вмещавшими до одной тысячи кур (Var. *R.* 3.3.7; Col. 8.1.3), однако сами рекомендуют устраивать птичники не более чем на 200 кур (Var. *R.* 3.9.6; Col. 8.2.7), так как именно за столькими подопечными в состоянии уследить один работник (галлиариус). Колумелла и Варрон обстоятельно рассказывают о наилучшем устройстве подобных птичников (Var. *R.* 3.9.7; Col. 8.4.1–2), дают множество полезных советов о кормах (Var. *R.* 3.9.13, Col. 8.5.17), режиме кормления (Var. *R.* 3.9.21), условиях содержания кур (Var. *R.* 3.9.19; Col. 8.7.4) и многом другом. Римляне также практиковали кастрацию петухов (Var. *R.* 3.9.3; Col. 8.2.3). Колумелла описывал качества, которые должны быть присущи определенным породам петухов (Col. 8.2.10–11), и предостерегал от увлечения разведением агрессивных греческих бойцовых петухов.

В литературе упоминается, что петушинные бои пришли к римлянам от греков уже во II в. до н. э.⁸⁸ и вскоре стали пользоваться столь же горячей любовью, как и в Греции. О выращивании особых бойцовых петухов писали те же Варрон (Var. *R.* 3.9.6) и Колумелла (Col. 8.2.4–5). Более того, во времена Колумеллы существовали специальные тренеры, которые готовили петухов к состязаниям⁸⁹. О петушинных боях как излюбленном развлечении юношей из римских аристократических семей упоминают Плиний Младший (Plin. *Ep.* 4.2), Плутарх (Plut. *Mor.* 6.487 e–f) и Геродиан (Hdn. 3.10.3). Заметим, что в Риме такие бои кроме развлекательной выполняли важную воспитательную функцию.

⁸⁷ Подробнее об агрономических воззрениях этих авторов см., например: Akers-Campbell 2016.

⁸⁸ Тоунбее 1973: 257.

⁸⁹ Тоунбее 1973: 257. Следует подчеркнуть, что описания и Варрона, и Колумеллы свидетельствуют, что кур и петухов разводили не только ради мяса или ис-

пользования в петушинных боях. Римские агрономы дают практические советы, как, например, повысить яйценоскость кур (Col. 8.5.8; Col. 8.5.16). Много внимания уделяется мерам по поддержанию здоровья обитателей птичников (Col. 8.3.8).

По меткому замечанию К. Брэдли, они «были частью культурной матрицы, требующей от взрослого римлянина хладнокровия при пролитии крови»⁹⁰. Петушиные бои делали из мальчика мужчину, воина, воспитывали в нем бесстрашие и отвагу⁹¹.

Немного выше, говоря о петушиных боях в Греции, я отметила их связь с темой диалектики жизни и смерти, что, возможно, обусловило вхождение образа петуха в круг представлений о загробном мире. То же мы наблюдаем в римское время. Изображения петушиных боев встречаются на памятниках погребальной обрядности, например на погребальном алтаре I в. из Григорианского музея светского искусства в Ватикане⁹².

Возможно, результатом дальнейшего осмысления образа петуха как персонажа, имеющего непосредственное отношение к загробному миру, стало появление этих птиц в разнообразных сюжетных композициях на римских погребальных стелах, саркофагах и т. д. Приведу лишь несколько примеров. На погребальной известняковой стеле II в. из Музея Аквитании в Бордо девочка держит кошку (рис. 18). У ее ног стоит петух⁹³. На погребальном алтаре из Григорианского музея⁹⁴ изображен мальчик с гроздью винограда в руках, а рядом, возможно, ручной петух⁹⁵.

Подобные погребальные стелы и алтари, на которых запечатлены дети в окружении собак, кошек и птиц, составляют внушительную группу памятников. В литературе нет единого мнения по поводу интерпретации таких изображений. Их можно рассматривать как жанровые сценки, в которых дети запечатлены рядом со своими питомцами, живыми существами, которые были дороги им при жизни⁹⁶. Другие исследователи видят в изображениях петухов (особенно дерущихся) метафору победы над смертью и связывают их появление на римских стелах с греческой традицией, в которой эта птица, с их точки зрения, рассматривалась как символ души⁹⁷.

На известняковой стеле II в. из Ньевра (римская Галлия)⁹⁸, принадлежавшей некоему Апиносу Иклию, покойный изображен держащим молоток, указывающий на его профессию, а рядом с ним собака и петух. На относящемся к тому же времени саркофаге торговца Тита Элия Евангела и его супруги Гавдении Ницены, хранящемся в Музее Гетти в Малибу⁹⁹, покойный возлежит на пиршественном ложе (клине). В левой руке у него кубок, в правой — кисть винограда. У изножья ложа стоит Гавденция, которая протягивает Титу Элию кубок с вином. Между супругами помещена фигурка петуха (рис 19). По мнению опубликовавшего саркофаг П. Холлидея, петух в данном случае

⁹⁰ Bradley 1998: 555.

⁹¹ Bradley 1998: 551–555.

⁹² Инв. № 9819 (крышка), 9820 (урна). Время правления императора Клавдия (41–54 гг.), см.: Raff 2017: fig. 1.20. См. также: Bradley 1998: fig. 16, pl. XII.

⁹³ Инв. № 60.1.268, см.: <http://www.musee-aquitaine-bordeaux.fr/en/article/funerary-stele-little-girl>, дата обращения: 15.09.2017. См. подробнее об интерпретации: Bradley 1998: 528, pl. XIII, fig. 5.

⁹⁴ Bradley 1998: 529, pl. XIV, fig. 7.

⁹⁵ Bradley 1998: 529.

⁹⁶ О роли домашних питомцев в воспитании римских детей см.: Bradley 1998; Cohen 2007. О петухе, домашнем питомце сына сенатора Аквилія Регула, упоминает Плиний Младший (Plin. *Ep.* 4.2).

⁹⁷ В частности, так полагает К. Брэдли, см.: Bradley 1998: 548.

⁹⁸ Хранится в Музее национальной археологии (Сен-Жермен-ан-Ле, Франция). См.: <https://musee-archeologique-nationale.fr/objet/stele-funeraire-dapinosus-iclius>, дата обращения: 15.09.2017.

⁹⁹ Инв. № 86.АА.701 (Holliday 1993: 85, fig. 1a).

Рис. 17. Бронзовый тинтинабул в виде итифаллической фигурки петуха-Гермеса. © Trustees of the British Museum. Лицензия: CC BY-NC-SA 4.0

Рис. 18. Погребальная известняковая стела из Музея Аквитании в Бордо. Фото А. А. Белова

Рис. 19. Саркофаг торговца Тита Элия Евангела и его супруги Гавдении Ницены. По: Holliday 1993: 85, fig. 1b

был самым подходящим заупокойным мотивом¹⁰⁰ и выбор его заказчиком неслучаен¹⁰¹. Во-первых, из-за связи с Меркурием (Гермесом в греческой традиции) петуха часто приносили в жертву этому богу, который выступал в роли психопомпа, проводника души в иной мир. А во-вторых, Меркурий покровительствовал профессии покойного¹⁰².

Итак, чем же объясняется популярность петухов (и петушиных боев) на памятниках погребальной обрядности? Прежде всего необходимо иметь в виду глубоко укоренившиеся в сознании людей религиозно-мифологические представления о петухах как спутниках Меркурия (Гермеса), берущих на себя часть его функций психопомпа. Связь двух персонажей прослеживается по многим археологическим и изобразительным памятникам¹⁰³ в Галии и других западных провинциях Римской империи. Особенно многочисленны свидетельства этого мифологического «союза», относящиеся ко времени после III в., т. е. к эпохе поздней Античности.

Таким образом, греческие и римские письменные и изобразительные источники рисуют сложный, полисемантический образ петуха, обладавшего ярко выраженной солярной природой, связанного с божествами-воителями Афиной и Аресом (Марсом), задействованного в мантических практиках. Благодаря этому петух мыслился как посредник между мирами людей и богов, идеальная жертва. Однако, безусловно, одной из важнейших ролей петуха стала роль психопомпа, которая еще более подчеркивалась его связью с Меркурием и Гермесом.

Источники

- Aesch. Eum.** Эсхил, Орестея. В кн.: Эсхил, Трагедии. Пер. Вяч. Иванова (Москва, 1989).
- Ar. Av.** Аристофан, Птицы. Пер. С. К. Апта. В кн.: Аристофан, Комедии, II (Москва, 1954).
- Call. Epigr.** Каллимах, Эпиграммы (№ 1–70). Пер. Л. Блуменау, Ю. Голубца, Е. Свиясова, Ю. Шульца и др. В кн.: Греческая эпиграмма (Санкт-Петербург, 1993).
- Cic. Div.** Марк Туллий Цицерон, О дивинации. В кн.: Марк Туллий Цицерон, Философские трактаты. Отв. ред., сост. и авт. вступит. ст. Г. Г. Майоров. Пер. с латинского и коммент. М. И. Рижского (Москва, 1985).
- Col.** Columella, On agriculture, V–IX. Trans. by E. S. Forster, E. N. Heffner (Cambridge, MA, 1954).
- Diog. Laert.** Диоген Лаэртский, О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Пер. и примеч. М. Л. Гаспарова. Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева (2-е изд., испр.; Москва, 1986).
- Hdn** Геродиан, История императорской власти после Марка. Пер. А. И. Доватура (кн. 1, 2), Н. М. Ботвинника (кн. 3), А. К. Гаврилова (кн. 4), В. С. Дурова (кн. 5), Ю. К. Поплинского (кн. 6), М. В. Скряжинской (кн. 7), Н. В. Шебалина (кн. 8) под ред. А. И. Доватура. Коммент. М. Ф. Высокого. Отв. ред. Л. П. Маринович (Москва, 1996).
- Heliod. Aeth.** Гелиодор, Эфиопика. Пер. А. Болдырева (кн. I, X), А. Доватура (кн. II, IX), А. Егунова (кн. III, VIII), А. Миханкова (кн. IV, VII), Э. Визеля (кн. V, VI). Вступ. ст. и коммент. А. Егунова. В кн.: Античный роман (Москва, 2001): 235–486.

¹⁰⁰ См. также: Venit 2016: 223, note 719.

¹⁰¹ Holliday 1993: 88.

¹⁰² Holliday 1993: 89.

¹⁰³ Подборку памятников, указывающих на связь петуха и Меркурия в римское и позднеантичное время, см. у Э. Ястшебовской (Jastrzebowska 1975: 103–104).

- Luc. Gall.** Лукиан, Сновидение, или петух. Пер. Н. П. Баранова. В кн.: Лукиан, Сочинения, I (Санкт-Петербург, 2001).
- p. Anast. IV** Caminas R., Gardiner A., Late Egyptian miscellanies (London, 1954).
- Paus.** Павсаний, Описание Эллады, I. Пер. и примеч. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. Отв. ред. Э. Д. Фролов (Москва, 2002).
- Pind. Ol.** Пиндар, Вахилид, Оды. Фрагменты. Изд. подгот. М. Л. Гаспаров. Отв. ред. Ф. А. Петровский (Москва, 1980).
- Pl. Phd.** Платон, Федон. Пер. С. П. Маркиша. В кн.: Платон, Собрание сочинений. В 4 т. Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи, II (Москва: 1993).
- Plin. Ep.** Письма Плиния Младшего. Книги I–X. Отв. ред. А. И. Доватур (изд. 2-е, перераб.; Москва, 1982–1984).
- Plut. De Pyth. or.** ‘Плутарх, Моралии. Пер. под ред. Л. А. Фрейберг и М. Л. Гаспарова (продолжение). О том, что пифия более не прорицает стихами. Пер. и коммент. Л. А. Фрейберг’, Вестник древней истории 2 (1978): 231–253.
- Plut. Inst. Lac.** Плутарх, Древние обычаи спартанцев. В кн.: Плутарх, Застольные беседы (Ленинград, 1990).
- Plut. Mor.** Plutarch, Moralia in sixteen volumes, XV: Fragments. Ed. and transl. by F. H. Sandbach (London, 1969).
- Suet. Tib.** Гай Светоний Транквилл, Жизнь двенадцати цезарей. Пер. М. Л. Гаспарова (Москва, 1993).
- Thgn.** Феогнидов сборник. Кн. 1. Прозаич. пер. А. К. Гаврилова. В кн.: Доватур А. И., Феогнид и его время (Ленинград, 1989): 147–181.
- Urk. IV** Sethe K., Urkunden der 18. Dynastie, IV (Leipzig — Berlin, 1906–1958).
- Var. R.** Varro, On agriculture. Trans. by W. D. Hooper (Cambridge, MA, 1934).

Библиография

- Белова 2012** Белова Г. А., Некоторые особенности погребального обряда на некрополе Дейр эль-Банат в греко-римский период. В кн.: Войтенко А. А. (отв. ред.), Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту (Москва, 2012): 7–37.
- Белова 2017** Белова Г. А., ‘Предварительный отчет о работе миссии Центра египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН) на памятнике Дейр эль-Банат (Фаюмский оазис) за 2017 г.’, Египет и сопредельные страны (Egypt and Neighbouring Countries) 4 (2017): 1–20. Электронный ресурс, режим доступа: <http://enc-journal.com/images/contributions/2017-4/4-1-belova.pdf>.
- Войтенко 2012** Войтенко А. А., Коптский погребальный ритуал IV–VII вв. по письменным источникам. В кн.: Войтенко А. А. (отв. ред.), Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту (Москва, 2012): 38–70.
- Лапырёнок, Сморгчов 2014** Лапырёнок Р. В., Сморгчов А. М., ‘Кризис 129 г. до н. э. и судьба аграрной реформы Тиберия Гракха’, Вестник древней истории 3 (2014): 47–58.
- Лосев, Тахо-Годи 1993** Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А., Примечания. В кн.: Платон, Собрание сочинений. В 4 т. Под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи, II (Москва, 1993): 413–512.
- Орфинская 2015** Орфинская О. В., Классификация текстиля для памятника Дейр эль-Банат. В кн.: Иванов С. В., Толмачева Е. Г. (ред.), И земля в ликованиях... Сборник статей в честь Г. А. Беловой (And the Earth is Joyous... Studies in honour of Galina A. Belova) (Москва, 2015): 286–310.
- Орфинская, Толмачева 2017** Орфинская О. В., Толмачева Е. Г., ‘Египетская туника с дионисийскими мотивами из раскопок ЦЕИ РАН на некрополе Дейр эль-Банат (Фаюм)’, Проблемы истории, филологии, культуры 56 (2017): 21–37.

- Орфинская и др. 2017** Орфинская О. В., Толмачева Е. Г., Белова Г. А., 'Текстильный комплекс позднеантичного времени из могилы 213 на памятнике Дейр аль-Банат (Фаюм, Египет)', *Вестник археологии, антропологии и этнографии* 3 (2017): 16–28.
- Рижский 1985** Марк Туллий Цицерон, *Философские трактаты*. Отв. ред., сост. и автор вступит. ст. Г. Г. Майоров. Пер. с латинского и коммент. М. И. Рижского (Москва, 1985).
- Толмачева 2017** Толмачева Е. Г., «...И зеленый попугай...»: к интерпретации изображений на льняной пелене с полихромными гобеленовыми вставками из могилы 213 некрополя Дейр аль-Банат (Фаюм). В кн.: Белова Г. А., Иванов С. В., Толмачева Е. Г. (ред.), *Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и Средневековье — 2. Сборник статей памяти Т. Н. Савельевой* (Москва, 2017): 95–117.
- Ярмолович 2017** Ярмолович В. И., 'Технологический и иконографический аспекты изучения фигурного сосуда в форме петуха (по материалам археологических раскопок ЦЕИ РАН на Ком-Тумане (Египет))', *Египет и сопредельные страны (Egypt and neighbouring countries)* 3 (2017): 34–51. Электронный ресурс, режим доступа: <http://enc-journal.com/images/contributions/2017-3/3-3-yarmolovich.pdf>.
- Akers-Campbell 2016** Akers-Campbell H., *Farm like a Roman: livestock in Ancient Italy. A thesis submitted to the faculty of Wesleyan University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Bachelor of Arts with Departmental Honors in classical studies* (Middletown, 2016), unpublished.
- Bailleul-Lesuer 2016** Bailleul-Lesuer R. F., *The exploitation of live avian resources in Pharaonic Egypt: a socio-economic study. A dissertation submitted to the faculty of the division of the humanities department of Near Eastern languages and civilizations of the University of Chicago* (Chicago, 2016), unpublished.
- Bentz, Eschbach 2001** Bentz M., Eschbach N., (ed.), *Panathenaïka. Symposion zu den panathenaïschen Preissamphoren, Rauischholzhausen 25–29.11.1998* (Mainz, 2001).
- Blench, MacDonald 2000** Blench R. M., MacDonald K. C., Chickens. In: Kiple K. K., Ornelas K. C. (ed.), *The Cambridge history of food* (Cambridge, 2000): 496–499.
- Bradley 1998** Bradley K., 'The sentimental education of the Roman child: the role of pet-keeping', *Latomus* 57/3 (1998): 523–557.
- Brewer et al. 1994** Brewer D. J., Redford D. B., Redford S., *Domestic plants and animals: the Egyptian origins* (Warminster, 1994).
- Bruneau 1965** Bruneau Ph., 'Le motif des coqs affrontés dans l'imagerie antique', *Bulletin de correspondance hellénique* 89/1 (1965): 90–121.
- Carter 1923** Carter H., 'An ostrakon depicting a red jungle fowl (the earliest known drawing of the domestic cock)', *Journal of Egyptian archaeology* 9 (1923): 1–4.
- Chantraine 1968** Chantraine P., *Dictionnaire étymologique de la langue grecque: histoire des mots* (Paris, 1968).
- Cohen 2007** Cohen A., Introduction: childhood between past and present. In: *Constructions of childhood in Ancient Greece and Italy* (2007): 1–22.
- Coltherd 1966** Coltherd J. B., 'The domestic fowl in Ancient Egypt', *Ibis* 108/2 (1966): 217–223.
- Cotteville-Giraudet 1931** Cotteville-Giraudet R., *Fouilles de l'Institut Français d'Archéologie Orientale du Caire (Année 1930) sous la direction de M. Pierre Jouquet. Rapport Préliminaires, VIII, II: Médamoud. La verrie-les graffite* (Le Caire, 1931).
- Csapo 1993a** Csapo E., 'Deep ambivalence: notes on a greek cockfight (part I)', *Phoenix* 47/1 (1993): 1–28.
- Csapo 1993b** Csapo E., 'Deep ambivalence: notes on a greek cockfight (parts II–IV)', *Phoenix* 47/2 (1993): 115–124.
- Darby et al. 1977** Darby W. J., Ghalioungui P., Grivetti L., *Food the gift of Osiris, I* (London, 1977).
- Driesch 1997** Driesch A. von den, 'Tierreste aus Buto im Nildelta', *Archaeofauna* 6 (1997): 23–29.
- Driesch, Peters 2008** Driesch A. von den, Peters J., Störche über Elephantine. In: Engel E.-M., Müller V., Hartung U. (ed.), *Zeichen aus dem Sand. Streiflichter aus Ägyptens Geschichte zu Ehren von Günter Dreyer* (Wiesbaden 2008): 661–679.

- Dumont 1988** Dumont J., 'Les combats de coq furent-ils un sport?', *Pallas* 34 (1988): 33–44.
- Dunbabin 1999** Dunbabin K., *Mosaics of the Greek and Roman world* (Cambridge, 1999).
- Dunham 1955** Dunham D., *Nuri, the royal cemeteries of Kush* (Boston, 1955).
- Eckerman 2012** Eckerman C., 'Cockfighting and the iconography of panathenaic amphorae', *Illinois classical studies* 37 (2012): 39–50.
- Fowler 1989** Fowler D., 'Taplin on cocks', *The classical quarterly* 39/1 (1989): 257–259.
- Furwängler 1896** Furwängler A., *Beschreibung der geschnittenen Steine im Antiquarium, Königliche Museen zu Berlin* (Berlin, 1896).
- Garis Davies 1943** Garis Davies N. de., *The tomb of Rekh-mi-re' at Thebes, II* (New York, 1943).
- Gifford-Gonzalez, Hanotte 2011** Gifford-Gonzalez D., Hanotte O., 'Domesticating animals in Africa: implications of genetic and archaeological findings', *Journal of world prehistory* 24/1 (2011): 1–23.
- Gonosová 1987** Gonosová A., 'The formation and sources of Early Byzantine floral semis and floral diaper patterns reexamined', *Dumbarton Oaks papers* 41 (1987): 227–237.
- Görg 1981** Görg M., 'Der Hahn in ägyptischer Literatur?', *Göttinger Miszellen* 43 (1981): 27–28.
- Grossman 1989** Grossman P., *Neue frühchristliche Funde aus Ägypten*. In: Duval N., Baritel F., Pergola Ph. (ed.), *Actes du XIe Congrès international d'archéologie chrétienne*. Lyon, Vienne, Grenoble, Genève et Aoste (21–28 septembre 1986), II (Rome, 1989): 1843–1867.
- Higgins 1970** Higgins R. A., *Catalogue of the terracottas in the British Museum* (London, 1970).
- Hoffmann 1974** Hoffmann H., 'Hahnenkampf in Athen. Zur ikonologie einer attischen Bildformel', *Revue Archéologique, Nouvelle Série, Fasc. 2* (1974): 195–220.
- Holliday 1993** Holliday P. J., 'The sarcophagus of Titus Aelius Evangelus and Gaudenia Nicene', *The J. Paul Getty Museum Journal* 21 (1993): 85–100.
- Houlihan 1988** Houlihan P. F., *The birds of Ancient Egypt* (Cairo, 1988).
- Houlihan 1995** Houlihan P., *The animal world of the pharaohs* (Cairo, 1995).
- Incorpora 1980** Incorpora G., *Locri Antica e Gerace* (Bologna, 1980).
- Jastrzebowska 1975** Jastrzebowska E., 'Les origines de la scène du combat entre le coq et la tortue dans les mosaïques Chrétiennes d'Aquilée', *Antichità Altoadriatiche* 8 (1975): 93–107.
- Kitzinger 1946** Kitzinger E., 'The horse and lion tapestry at Dumbarton Oaks: a study in Coptic and Sassanian textile design', *Dumbarton Oaks papers* 3 (1946): 1–72.
- Kitzinger 1963** Kitzinger E., 'Stylistic developments in pavement mosaics in the Greek East from the age of Constantine to the age of Justinian'. In: *Colloque Internationale sur «La mosaïque greco-romaine*, Paris, 1963 (Paris, 1965): 64–88, 390.
- Knigge 1988** Knigge U., *Der Kerameikos von Athen: Führung durch Ausgrabungen und Geschichte* (Berlin, 1988).
- Koch-Harnack 1983** Koch-Harnack G., *Knabenliebe und Tiergeschenke. Ihre Bedeutung im päderastische Erziehungssystem Athens* (Berlin, 1983).
- Krol 2005** Krol A. A., 'The RIEC archaeological and anthropological surveys at the site of Dair al-Banat'. In: Gabra G. (ed.), *Christianity and monasticism in the Fayoum Oasis: essays in honor of Martin Krause* (Cairo, 2005): 209–216.
- Lavin 1963** Lavin I., 'The hunting mosaics of Antioch and their sources. A study of compositional principles in the development of early mediaeval style', *Dumbarton Oaks papers* 17 (1963): 179–286.
- Lawler 2012** Lawler A., 'In search of the wild chicken', *Science* 338 (2012): 1020–1024.
- Levi 1947** Levi D., *Antioch mosaic pavements, I* (Princeton, 1947).
- Lilyquist 2012** Lilyquist C., 'Treasures from Tell Basta: goddesses, officials, and artists in an International Age', *Metropolitan Museum journal* 47 (2012): 9–72.
- Linder et al. 1988** Linder R., Dahlinger S.-G., Yalouris N., Hades. In: *Lexicon iconographicum mythologiae classicae I* (Zürich — München — Düsseldorf, 1988): 210–225, 367–394.
- Macdonald, Edwards 1993** Macdonald K. C., Edwards D. N., 'Chickens in Africa: the importance of Qasr Ibrim', *Antiquity* 67 (1993): 584–590.

- Marcovich 1976** Marcovich M., 'Pythagoras as cock', *The American journal of philology* 97/4 (1976): 331–335.
- Morey 1938** Morey C. R., *The mosaics of Antioch* (New York, 1938).
- Mwacharo et al. 2013** Mwacharo M., Bjørnstad G., Han J. L., Hanotte O., 'The history of African village chickens: an archaeological and molecular perspective', *The African archaeological review* 30/1. Special issue: Animal genetics and African archaeology (March, 2013): 97–114.
- Nadeau 2015** Nadeau R., *Persian chicken in Ancient Greece and Rome: a modern myth of origins*. Departmental research seminar, Medieval Studies Department, Central European University, Budapest, Hungary, October 21, 2015, unpublished.
- Orfinskaya et al. 2015** Orfinskaya O., Belova G., Nauton M., Tolmacheva E., *Textiles from burial 213 in Deir el-Banat*. In: De Moor A., Fluck C., Linscheid P. (ed.), *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries*. Proceedings of the 8th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp 2013 (Tielt, 2015): 38–47.
- Orfinskaya, Tolmacheva 2017** Orfinskaya O., Tolmacheva E., *Textiles from the grave 213 at Deir el-Banat: from an object to a loom*. In: De Moor A., Fluck C., Linscheid P. (ed.), *Excavating, analyzing, reconstructing. Textiles of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries*. Proceedings of the 9th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp, 27–29 November 2015 (Tielt, 2017): 12–31.
- Perry-Gal et al. 2015** Perry-Gal L., Erlich A., Gilboa A., Bar-Oz G., 'Earliest economic exploitation of chicken outside East Asia: evidence from the Hellenistic Southern Levant', *Proceedings of the National Academy of Sciences* 112 (2015): 9849–9854. DOI: 10.1073/pnas.1504236112.
- PM I, 1** Porter B., Moss R. L. B., *Topographical bibliography of Ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs, and paintings, I: The Theban necropolis, I: Private tombs* (2nd revised and augmented edition; Oxford, 1970).
- Pollard 1977** Pollard J., *Birds in Greek life and myth* (London, 1977).
- Popkin 2012** Popkin M. L., 'Roosters, columns, and Athena on early panathenaic prize amphoras: symbols of a new Athenian identity', *Hesperia: the journal of the American School of Classical Studies at Athens* 81/2 (2012): 207–235.
- Raff 2017** Raff K. A., *Cat. 1. Statue of a young boy*. In: Raff K. A. (ed.), *Roman art at the Art Institute of Chicago*. Online scholarly catalogue. Digital resource, mode access: <https://publications.artic.edu/roman/reader/romanart/section/488>.
- Redding 2015** Redding R. W., 'The pig and the chicken in the Middle East: modeling human subsistence behavior in the archaeological record using historical and animal husbandry data', *Journal of archaeological research* 23/4 (2015): 325–368. DOI: 10.1007/s10814-01590832.
- Schmidt 1994** Schmidt E., *Martin-von-Wagner Museum der Universität Würzburg. Katalog der antiken Terrakotten, I: Die figürlichen Terrakotten* (Mainz, 1994).
- Sethe 1916** Sethe K., *Die älteste Erwähnung des Haushuhns in einem ägyptischen Texte* (Leipzig, 1916).
- Simpson 1959** Simpson W. K., 'The vessels with engraved designs and the repoussé bowl from the Tell Basta treasure', *American journal of archaeology* 63/1 (1959): 29–45.
- Spier 2010** Spier J., 'Most fowl: Athena, Ares, and Hermes depicted as birds on engraved gems', *Pallas* 83 (2010): 245–250.
- Stillwell 1952** Stillwell A. N., *The potters' quarter: the terracotas* (Princeton, 1952).
- Tolmacheva 2017** Tolmacheva E., *Archaeological textiles at the Deir el-Banat site (Fayyum): parallels, study, conservation and general description*. In: De Moor A., Fluck C., Linscheid P. (ed.), *Excavating, analyzing, reconstructing. Textiles of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries*. Proceedings of the 9th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley', Antwerp, 27–29 November 2015 (Tielt, 2017): 32–60.

- Toynbee 1973** Toynbee J. M. C., *Animals in Roman life and art* (London 1973).
- Venit 2016** Venit M., *Visualizing the afterlife in the tombs of Graeco-Roman Egypt* (Cambridge, 2016).
- Voytenko 2016** Voytenko A., Grave 249/2 at Deir el-Banat. A typical example of Coptic ordinary burial custom. In: Buzi P., Camplani A., Contardi F. (ed.), *Coptic society, literature and religion from Late Antiquity to modern times. Proceedings of the Tenth International Congress of Coptic Studies, Rome, September 17th–22th, 2012 and plenary reports of the Ninth International Congress of Coptic Studies, Cairo, September 15th–19th 2008, II* (Leuven — Paris — Bristol, 2016): 1421–1432.
- Walker, Hertig 1996** Walker A., Hertig S. (ed.), *Animals in ancient art. From the Leo Mildenberg collection, III* (Mainz, 1996).
- Wells 2008** Wells C., 'The mystery of Socrates' last words', *Arion* 16/2 (2008): 137–148.
- West, Zhou 1988** West B., Zhou B.-X., 'Did chickens go north? New evidence for domestication', *Journal of archaeological science* 15 (1988): 515–533.

A household textile with rooster tapestries from CES RAS excavations at the Deir al-Banat necropolis. Some considerations on the roosters' symbolic meanings in Late Antique Egypt (part 1)

Elena Tolmacheva

This paper presents the first part of a study on dating and attributing of a furnishing textile from the grave 203 at the Deir al-Banat necropolis, Fayoum, and interpreting of depictions on it. The textile is viewed in wide historical and art context.

Birds were one of the most favourite motifs for Late Antique weavers. But while there are hundreds of peacocks and parrots on textiles of this time, roosters can be seen seldom. Sources (the lack of them, to be precise) support the presumption that chickens appeared in Egypt rather late. Nearly all bird remains, written sources and images related to the issue in question originate from the Ptolemaic and Roman time. Before that, the rooster was exotic for Egyptians and did not have any symbolic or ritual meaning, was not a personage of folklore and mythology. All ideas connected with chickens came to Egypt together with Greek and Roman everyday culture and art — as these fowls were part and parcel of them.

Greek and Roman sources consider the rooster having multiple meanings — he had solar nature, was associated with deities of war, Athena and Ares (Mars), took part in future-telling practices. He was believed to be a mediator between human and divine worlds and a perfect sacrifice. He was also a psychopomp, his connection with Hermes and Mercury emphasising this role.

Keywords: Late Antique textiles, Egypt, Fayoum, Deir al-Banat, roosters in Ancient Egypt, roosters in Greece and Rome, bird representations, symbolic meanings, psychopomp, Asclepius, Mercury.